

Рассматривается ходатайство о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда по правам человека¹.

По делу «Белоусов против России»

Европейский Суд по правам человека (Пятая Секция), рассматривая дело Палатой Секции в составе:

Пера Лоренсена, *Председателя Палаты Пятой Секции Европейского Суда,*

Райта Марусте,
Володимира Буткевича,
Анатолія Ковлера,
Марка Филлигера,
Мирьяны Лазарова Трайковска,

Здравки Калайджиевой, *судей,*

а также при участии Клаудии Вестердик, *Секретаря Пятой Секции Европейского Суда,*

проведя совещание по делу за закрытыми дверями 9 сентября 2008 г.,

вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 1748/02) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) гражданином Российской Федерации, г-ном Иваном Александровичем Белоусовым (*далее* — заявитель), 24 июля 2000 г.

2. Интересы заявителя при производстве по делу в Европейском Суде представляла г-жа М. Самородкина, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) при производстве по делу в Суде представляли сначала г-н П. Лаптев, а затем — г-жа В. Милинчук, Уполномоченные Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 13 февраля 2006 г. Европейский Суд вынес решение коммуницировать настоящую жалобу государству-ответчику. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции Суд принял решение рассмотреть вопрос о

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «БЕЛОУСОВ ПРОТИВ РОССИИ»

[BELOUSOV V. RUSSIA]

(жалоба № 1748/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

2 октября 2008 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу одновременно с рассмотрением дела по существу.

4. Государство-ответчик возражало против того, чтобы рассмотрение вопроса о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу проводилось бы совместно с рассмотрением дела по существу. Рассмотрев данное возражение государства-ответчика, Европейский Суд отклонил его.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1973 г. и проживает в г. Южно-Сахалинске Сахалинской области.

6. В декабре 1999 г. заявитель прибыл в г. Москву. 3 декабря 1999 г. он был обследован медицинской комиссией, которая ввиду хорошего состояния его здоровья нашла его вполне пригодным для вождения автомобиля.

А. События, имевшие место 5 декабря 1999 г., и состояние здоровья заявителя

7. 5 декабря 1999 г. заявитель дал интервью общероссийскому телевизионному каналу «НТВ», который транслировал передачу о споре между частными держателями государственных облигаций и Министерством финансов Российской Федерации. В ходе интервью заявитель, возглавлявший группу частных держателей государственных облигаций, обвинил министерство в организации вендетты против него и отдаче приказаний о нападениях на держателей государственных облигаций, с тем чтобы оказать на них давление с целью принудить их отозвать свои судебные иски против министерства. Данное интервью было выпущено в эфир в рамках еженедельной политической аналитической программы «НТВ» «Итоги».

8. В тот же день сотрудники милиции остановили заявителя и его брата на улице и потребовали у них предъявить документы, удостоверяющие личность. В своих представлениях в Европейский Суд государство-ответчик утверждало,

От редакции. По делу заявитель в своем обращении в Европейский Суд жаловался на целый ряд нарушений его прав, допущенных сотрудниками милиции: незаконное первоначальное задержание на улице; жестокое обращение с ним со стороны сотрудников милиции после доставления в отдел внутренних дел: он был избит и подвергся издевательствам, в результате чего он попал в больницу с несколькими наружными травмами и травмами органов тела; его первоначальное задержание и последующее задержание (до вызова «скорой помощи» и доставления в больницу) в отделе внутренних дел не были надлежащим образом оформлены протоколом. Уголовное дело, возбужденное в отношении сотрудников милиции, избивавших заявителя, дважды прекращалось, и производство по нему было вновь возобновлено лишь после того, как о жалобе заявителя в Европейский Суд было сообщено государству-ответчику. Власти не провели всестороннее и полное расследование по фактам, указанным заявителем в жалобах в прокуратуру. Отклонив возражения государства-ответчика и изучив материалы дела, Европейский Суд согласился с доводами заявителя и установил, что жестокое обращение с ним со стороны сотрудников милиции приравнивается к пытке (статья 3 Конвенции), а отсутствие протоколов задержания грубо нарушало фундаментальные принципы, которыми согласно статье 5 Конвенции должны руководствоваться власти страны при лишении человека свободы. Суд назначил Российской Федерации выплатить заявителю крупную сумму в качестве возмещения причиненного ему вреда.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

что сотрудники милиции действовали по информации о разыскиваемых преступниках, которые были очень похожи на заявителя и его брата. В соответствии с тем, что сообщило в Суд государство-ответчик, заявитель и его брат не имели при себе никаких документов, которые могли бы удостоверить их личности, и их доставили в Отдел внутренних дел «Коптево» г. Москвы¹; основание для доставления: их «неповиновение законному требованию сотрудников милиции и нецензурная брань в общественных местах». В соответствии с тем, что сообщил в Суд заявитель, он и его брат удостоверяли свои личности: его брат предъявил удостоверение военнослужащего, а заявитель — служебный пропуск.

9. В Отделе внутренних дел «Коптево» сотрудник милиции Х. составил рапорт на имя начальника Отдела внутренних дел «Коптево». В рапорте указывалось следующее:

«[Я] докладываю Вам о том, что 5 декабря 1999 г., в 13 час. 45 мин., гражданин Белоусов был доставлен в Отдел внутренних дел «Коптево» г. Москвы вместе с гражданином В. [NB: сотрудник милиции]; по адресу <...> после нескольких требований предъявить документы, удостоверяющие личность [г-н Белоусов], отказался предъявить их и начал выражаться в наш адрес в присутствии граждан, прибегая к нецензурной брани и одновременно повторяя, что это будет стоить нам пять тысяч рублей; двое граждан отказались следовать за нами в Отдел внутренних дел «Коптево» г. Москвы.

Проверка личностей была произведена на основе телефонограммы № 12316».

10. В соответствии с тем, что Европейскому Суду было сообщено заявителем, он был жестоко избит в Отделе внутренних дел «Коптево» группой предположительно пьяных сотрудников милиции. После побоев он был водворен в камеру. Несколько часов спустя он был доставлен в служебное помещение, и его заставили обнажиться по пояс. Он сложил свою одежду в мешок, и его заставили поднимать и опускать этот мешок, который весил около четырех килограммов. Ему пришлось повторять это «упражнение» снова и снова. Заявитель утверждал, что эта задача была чрезвычайно трудной для него, поскольку 6 октября 1999 г. он перенес хирургическую операцию, и врачи запретили ему поднимать какие-либо тяжести весом более одного килограмма. Заявитель потерял сознание в Отделе внутренних дел «Коптево» и был доставлен в Городскую клиническую больницу имени С.П. Боткина.

11. Государство-ответчик, основываясь на информации, полученной из Генеральной прокуратуры Российской Федерации, подтвердило тот факт, что заявителю были причинены телесные повреждения.

12. В больнице заявитель был обследован нейрохирургом, невропатологом, урологом и окулистом. По результатам этих обследований было составлено медицинское заключение № 29314. В данном заключении указывалось, что заявитель поступил в больницу в 18 час. 45 мин. 5 декабря 1999 г. и что ему был поставлен диагноз «травма передней части брюшной стенки, кровоизлияние на лбу и левой руке, травма почек, черепно-мозговая травма и сотрясение мозга».

13. Заявитель находился в больнице до 10 декабря 1999 г. Согласно медицинским справкам № 081114, 066415 и 091922, выданным 10 и 21 декабря 1999 г. и 4 февраля 2000 г. соответственно, заявитель находился в отпуске по болезни до 10 февраля 2000 г. и проходил лечение дома.

14. 10 февраля 2000 г. заявитель прошел обследование во врачебно-трудовой экспертной комиссии и был признан инвалидом. В медицинской справке № 163147, выданной этой

комиссией, указывалось, что у заявителя «инвалидность второй группы».

В. Расследование, проведенное по жалобам заявителя

15. Мать заявителя обратилась с жалобой в Коптевскую межрайонную прокуратуру г. Москвы² по поводу того, что 5 декабря 1999 г. заявитель был подвергнут незаконному задержанию и избит.

16. 14 декабря 1999 г. заместитель прокурора Коптевской межрайонной прокуратуры г. Москвы направил письмо матери заявителя, извещающая ее о том, что в отношении сотрудников Отдела внутренних дел «Коптево» было возбуждено уголовное дело.

17. 14 марта 2000 г. следователь Коптевской межрайонной прокуратуры прекратил данное уголовное дело, постановив, что нет оснований для предъявления обвинений сотрудникам милиции по фактам жестокого обращения с заявителем. Соответствующая часть постановления следователя гласила следующее:

«В ходе предварительного следствия было установлено, что 14 декабря 1999 г., в 13 час. 45 мин., Х. и В., сотрудники Отдела внутренних дел «Коптево» г. Москвы, находясь при исполнении служебных обязанностей, остановили возле дома № <...> двух граждан, которые были схожи с лицами, объявленными в розыск в связи с телефонограммой № 12316. Указанные граждане отказались предъявить документы, удостоверяющие личность, и были доставлены в Отдел внутренних дел «Коптево» г. Москвы для установления личности. В Отделе один из них представился как Дмитрий Александрович Белоусов, слушатель третьего курса военной академии; другой представился как Александр Александрович Константинов. После проверки данных через Центральное адресно-справочное бюро личность Д.А. Белоусова была подтверждена, и в 16 час. 00 мин. он был передан представителю военной комендатуры. Второй гражданин (И.А. Белоусов, как было установлено позже) был помещен в камеру для административно задержанных; позже он почувствовал себя плохо, и для него была вызвана «скорая помощь». В 17 час. 45 мин. он был передан бригаде «скорой помощи», которая доставила его в Городскую клиническую больницу имени С.П. Боткина.

Согласно объяснению [заявителя] 5 декабря 1999 г. он и его брат Дмитрий направлялись на Коптевский рынок. Приблизительно в 12 час. 10 мин. сотрудник милиции, не имевший нагрудного номерного жетона или знаков отличия, остановил их и потребовал предъявить документы, удостоверяющие личность. [Заявитель] предъявил свой служебный пропуск компании «Лукойл-Сити», а [его брат] предъявил удостоверение личности военнослужащего. В этот момент к ним подошел другой сотрудник милиции с нагрудным номерным жетоном № 4461 и толкнул [заявителя]; [последний] закричал, и этот сотрудник милиции тогда скрутил ему руку. В результате [заявитель] потребовал доставки в отделение милиции для объяснений. Патрульный автомобиль, прибывший на место инцидента, доставил [заявителя] и [его брата] в Отдел внутренних дел «Коптево» г. Москвы. В Отделе [заявитель] пошел в вестибюль выкурить сигарету. Дежурный сержант милиции с нагрудным номерным жетоном № 4491 заметил, что задержанным нельзя там курить; [заявитель] ответил, что он не был задержан, и сержант тогда позвал капитана, который стоял на ступеньках здания Отдела. Капитан начал наносить удары [заявителю]; когда, отреагировав на крики [заявителя], [его брат] прибежал из

¹ Далее — Отдел внутренних дел «Коптево» (примечание редакции).

² Далее — Коптевская межрайонная прокуратура (примечание редакции).

дежурной части, капитан ударил [его брата] автоматом и поволок его назад в дежурную часть. Сержант с нагрудным номерным жетоном № 4491 и другой сержант с нагрудным номерным жетоном № 4488 продолжали избивать [заявителя]. Тогда [заявитель] прополз в дежурную часть и попросил находившихся там сотрудников милиции вызвать “скорую помощь”. [Заявитель] и [его брат] были помещены в камеру для административно задержанных; сотрудники милиции игнорировали все их просьбы позвонить им домой или вызвать “скорую помощь”. Во время своего задержания в Отдел внутренних дел “Коптево” г. Москвы [заявителя] дважды подвергали личному обыску без составления какого-либо протокола <...>. В 17 час. 20 мин. прибыл майор из военной академии, чтобы забрать [его брата]. Позже в Отдел прибыл сотрудник милиции из Управления внутренних дел по Северному административному округу г. Москвы и после того, как он заставил [заявителя] раздеться до пояса, этот сотрудник и капитан, находившийся в Отделе, заставили [заявителя] поднять свою одежду и перенести ее с одного места на другое, после чего [заявитель] потерял сознание. [Заявитель] пришел в себя в помещении, где было очень жарко; сотрудники милиции отвели его в душевую комнату, и там дежурный сотрудник милиции оказал ему медицинскую помощь. С этого времени и позже [заявитель] был в полусознательном состоянии до того, как его перевезли в хирургическое отделение больницы. Для него была вызвана “скорая помощь”, и затем [заявитель] был доставлен в Городскую клиническую больницу имени С.П. Боткина.

[Брат заявителя], который был допрошен в качестве свидетеля, подтвердил в общем показания [заявителя], но также указал, что два сотрудника милиции тащили [заявителя] из вестибюля. Когда [брат заявителя] покидал Отдел внутренних дел “Коптево” г. Москвы, у [заявителя] не было никаких травм на голове и руках.

Согласно рапорту Отдела внутренних дел “Коптево” г. Москвы нагрудный номерной жетон № 4461 присвоен сотруднику милиции П., нагрудный номерной жетон № 4488 присвоен сотруднику милиции В., и нагрудный номерной жетон № 4491 присвоен сотруднику милиции Х. Во время процедуры предъявления для опознания, в котором принял участие сотрудник милиции, имеющий нагрудный номерной жетон № 4491 (Х.), [заявитель] опознал его и указал, что этот сотрудник милиции не избивал его, но произвел первоначальное задержание; [данное показание] подтверждается показаниями других сотрудников милиции.

Согласно показаниям сотрудника милиции Х. он и сотрудник милиции В. 5 декабря 1999 г. несли патрульную службу возле Коптевского рынка. Примерно в 13 час. 40 мин. они заметили двух граждан, которые были похожи на разыскиваемых преступников в связи с телефонограммой № 12316. В ответ на требование предъявить документы, удостоверяющие личность, гражданин ([заявитель], как это было установлено позже) начал выкрикивать ругательства в адрес сотрудников милиции. Эти два гражданина отказались предъявить документы, удостоверяющие личность. В ответ на требование сотрудников милиции проследовать в Отдел внутренних дел “Коптево” г. Москвы, [заявитель] сказал, что он не пойдет за сотрудниками и что он не будет разговаривать с сотрудником милиции в звании ниже майора; он также потребовал, чтобы они вызвали патрульный автомобиль. Был вызван патрульный автомобиль на место инцидента для доставления этих двух граждан в Отдел внутренних дел “Коптево” г. Москвы. Против них физическая сила не использовалась.

Показания сотрудника милиции Х. полностью подтверждаются показаниями сотрудника милиции В.

Сотрудник милиции Д., который был допрошен в качестве свидетеля, пояснил, что 5 декабря 1999 г. в ответ на

вызов пешего патрульного сотрудника милиции он как член патрульной группы на автомобиле вместе с сотрудниками Л. и К. прибыли на место инцидента для оказания содействия пешему патрулю. Двое задержанных граждан были переданы им; патрульная группа на автомобиле доставила этих граждан в Отдел внутренних дел “Коптево” г. Москвы. Против них физическая сила не использовалась. Показания г-н Д. полностью подтверждаются показаниями сотрудников милиции Л. и К.

Сотрудник милиции До., дежурный сотрудник в Отделе внутренних дел “Коптево” г. Москвы, который был допрошен в качестве свидетеля, пояснил, что 5 декабря 1999 г. двое задержанных граждан были доставлены в дежурную часть Отдела внутренних дел “Коптево” г. Москвы. Один из задержанных представился как Дмитрий Александрович Белоусов, слушатель военной академии, и предъявил свое удостоверение личности военнослужащего <...>; другой гражданин представился как Александр Алексеевич Константинов и при себе не имел никаких документов, удостоверяющих личность. По результатам проверки через Центральное адресно-справочное бюро, которая дала отрицательные результаты, [заявителю] было предложено назвать свое настоящее полное имя. Затем [заявитель] предпринял попытку покинуть Отдел и начал курить. Дежурный сотрудник Отдела П. сделал ему замечание, после чего [заявитель] упал на пол и начал кричать, что его избивают. Когда [г-н До.] спросил его, что случилось, [заявитель] сказал, что ему делали операцию и показал шрамы на своем животе. Задержанному сделали замечание и поместили в камеру. Впоследствии [заявитель] продолжал вести себя провокационно, выражался нецензурно, угрожал сотрудникам милиции и рвал рубли и доллары. В 17 час. 30 мин. он пожаловался на плохое самочувствие, и была вызвана бригада “скорой помощи”, которая доставила его в Городскую клиническую больницу имени С.П. Боткина. Сотрудники милиции вели себя надлежащим образом в отношении [заявителя]; никакой физической силы не применялось.

Показания г-на До. были подтверждены показаниями сотрудников милиции Р., П., Ка. и С.

Согласно показаниям свидетеля Ф. 5 декабря он в составе бригады “скорой помощи” прибыл в Отдел внутренних дел “Коптево” г. Москвы. В камере Отдела сидел человек, державший руку на своем животе. Он жаловался на боли в желудке. Во время беседы он сказал, что он инвалид и что недавно он перенес операцию на желудке, в результате которой у него удалили часть желудка; он начал показывать шрамы на своем животе. На [заявителе] не было обнаружено никаких видимых телесных повреждений. Сотрудники милиции вели себя надлежащим образом в отношении [заявителя]. Пациент был доставлен в Городскую клиническую больницу имени С.П. Боткина.

Фельдшер бригады “скорой помощи” Ву., который был допрошен в качестве свидетеля, пояснил, что 5 декабря 1999 г. он в составе бригады “скорой помощи” прибыл в Отдел внутренних дел “Коптево” г. Москвы. В камере на кушетке сидел человек (заявитель, как это было установлено позже), державший руку на своем животе. [Заявитель] сказал, что он был избит сотрудниками милиции. Другие задержанные, содержащиеся в Отделе, сказали, что [заявитель] лжет. В автомобиле [заявитель] разговаривал с бригадой и сказал, что он перенес операцию. Он сказал, что, когда на улице к нему подошли сотрудники милиции и потребовали предъявить документы, удостоверяющие личность, он стал выражаться нецензурно.

Гражданка С., которая была допрошена в качестве свидетеля, пояснила, что 5 декабря 1999 г. она находилась в камере для административно задержанных. В этой камере

содержались еще три человека; один из них ([заявитель], как это выяснилось позже) вел себя провокационно, кричал на сотрудников милиции и угрожал им. Сотрудники милиции вели себя надлежащим образом в отношении всех задержанных и не применяли физической силы.

Во время дополнительного допроса [заявитель] указал, что капитан милиции начал наносить ему удары в вестибюле здания Отдела внутренних дел «Коптево» г. Москвы. Сначала [капитан] нанес ему удар правой рукой в верхнюю часть левого предплечья; после этого удара [заявитель] сполз по стене и упал на пол возле мусорной корзины. Затем капитан ударил [заявителя] дважды: один раз — в живот и один раз — по спине в области почек. Особенно болезненным был удар в живот. После этого к [заявителю] подошли сержанты милиции и нанесли ему удары примерно шесть раз в живот и по спине. Заявитель затем прополз в дежурную часть, где ему нанесли несколько ударов по ягодицам <...>.

Согласно медицинскому заключению, составленному в Городской клинической больнице имени С.П. Боткина, у [заявителя] имелись: травма передней части брюшной стенки, травма правой почки, кровоподтеки на лбу и левой руке, черепно-мозговая травма и сотрясение мозга; состояние его здоровья было удовлетворительным. По результатам ультразвукового исследования в брюшной полости и почках патологических изменений выявлено не было.

По делу была проведена судебно-медицинская экспертиза в отношении [заявителя]. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта у [заявителя] было сотрясение мозга и имелась травма лба, которые являются элементами единого телесного повреждения и относятся к категории телесного повреждения, причинившего легкий вред здоровью средней тяжести, то есть кратковременное расстройство здоровья продолжительностью не свыше трех недель <...> Диагноз «травма почки», имеющийся в медицинских документах, не был подтвержден объективными клиническими данными и результатами специальных обследований <...>. Диагноз «травматическая энцефалопатия», указанный в медицинских документах, не мог быть проверен судебно-медицинским экспертом, поскольку для исследования не имелось достаточных объективных данных <...>. В настоящее время [заявитель страдает] психовегетативным синдромом и депрессией и нуждается в лечении у психиатра. В медицинских документах, представленных при производстве судебно-медицинской экспертизы, не имеется никаких упоминаний травмы послеоперационных хирургических швов. Различия в ткани послеоперационных хирургических швов не исключают возможности частичного расхождения швов в верхней части.

Принимая во внимание то обстоятельство, что доводы, выдвинутые [заявителем], не нашли своего объективного подтверждения в ходе предварительного следствия <...>, [следователь] постановил прекратить производство по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного пунктом «а» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации <...>».

18. Заявитель направил жалобы прокурору г. Москвы и в Коптевский районный суд г. Москвы по поводу того, что производство по уголовному делу в отношении сотрудников милиции было прекращено.

19. В соответствии с тем, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, постановление следователя от 14 марта 2000 г. о прекращении уголовного дела в отношении сотрудников милиции было отменено 24 марта 2000 г. вышестоящим прокурором, и дело было возвращено следователю для производства дополнительного расследования.

Никакой копии данного постановления вышестоящего прокурора Суду представлено не было.

20. 27 апреля 2000 г. следователь Коптевской межрайонной прокуратуры вновь прекратил данное уголовное дело, постановив, что нет оснований для предъявления обвинения сотрудникам милиции по фактам жестокого обращения с заявителем. Постановление от 27 апреля 2000 г. в своих формулировках было идентичным постановлению от 14 марта 2000 г. за исключением двух дополнительных абзацев, в которых следователь изложил показания двух свидетелей, г-на Ч. и г-на Ку., которые были задержаны в Отделе внутренних дел «Коптево» вместе с заявителем. Оба свидетеля пояснили, что они не видели предполагаемых избиений заявителя сотрудниками милиции и что заявитель вел себя «провокационно». В соответствии с тем, что сообщил Европейскому Суду заявитель, копия постановления следователя от 27 апреля 2000 г. ему вручена не была.

21. Тем временем, 18 апреля 2000 г., Коптевский районный суд оставил без рассмотрения жалобу заявителя на постановление следователя от 14 марта 2000 г. Коптевский районный суд постановил следующее:

«Истец оспаривает постановление, вынесенное по уголовному делу № 268869.

Жалоба на постановление, вынесенное в ходе производства по уголовному делу, не может быть рассмотрена в порядке гражданского судопроизводства. Жалобы на действия органов прокуратуры не могут рассматриваться судами общей юрисдикции, поскольку имеются специальные нормы законодательства, касающиеся прокуратуры».

Государство-ответчик, опираясь на информацию, полученную от председателя Коптевского районного суда в марте 2006 г., указало Европейскому Суду, что Коптевский районный суд отказался рассматривать жалобу заявителя, потому что постановление следователя от 14 марта 2000 г. было отменено вышестоящим прокурором, и производство по делу было возобновлено.

22. 12 мая 2000 г. заявитель получил копию постановления Коптевского районного суда от 18 апреля 2000 г. Представитель заявителя обратилась в Коптевский районный суд с ходатайством о восстановлении срока для подачи жалобы на это постановление. Копия этой жалобы была приложена к ходатайству. Никакого ответа на это ходатайство не последовало. 27 ноября 2001 г. представитель заявителя обратилась к председателю Коптевского районного суда с жалобой на то, что ее ходатайство рассмотрено не было. Почтовый штемпель на конверте письма от 27 ноября 2001 г. свидетельствует, что Коптевский районный суд получил письмо в тот же день. Заявитель, однако, не получил никакого ответа на это письмо.

23. 20 марта 2006 г. заместитель прокурора г. Москвы отменил постановление следователя от 27 апреля 2000 г. и возобновил расследование по жалобе заявителя на факты жестокого с ним обращения сотрудников милиции, установив следующее:

«Постановление следователя [от 27 апреля 2000 г.] о прекращении уголовного дела, было вынесено незаконно и необоснованно и подлежит отмене, потому что по данному делу необходимо допросить [мать заявителя]; установить личности и допросить всех лиц, содержащихся в камере для административно задержанных в то время, когда [заявитель] и [его брат] находились в Отдел внутренних дел «Коптево» г. Москвы; дополнительно допросить [брата заявителя] о его травмах и травмах [заявителя] и о вещественных доказательствах, свидетельствующих о причинении этих травм; дополнительно допросить врачей бригады «скорой помощи»,

которые прибыли в Отдел внутренних дел «Коптево» и доставили [заявителя] в Городскую клиническую больницу имени С.П. Боткина г. Москвы, о видимых телесных повреждениях заявителя; тщательно допросить врача, проводившего первоначальное обследование [заявителя] в Городской клинической больнице имени С.П. Боткина; устроить при необходимости очную ставку между врачами; дать юридическую оценку травмам [заявителя], выявленных при производстве судебно-медицинской экспертизы (сотрясение мозга, травма лба, травма левой руки и травма правого плеча) и произвести другие следственные действия, направленные на установление истины по делу».

24. 29 октября 2006 г. следователь Коптевской межрайонной прокуратуры прекратил уголовное дело в отношении сотрудников милиции за отсутствием события преступления (статья 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Следователь скопировал формулировки из постановления следователя от 27 апреля 2000 г., просто добавив, что по результатам судебно-медицинской экспертизы было установлено: телесные повреждения заявителю могли бы быть причинены ударами, нанесенными с помощью тупого твердого предмета, возможно, 5 декабря 1999 г. Следователь также включил в текст постановления дополнительные показания двух свидетелей, г-жи С. и г-на Ку., которые были не в состоянии вспомнить дополнительные детали своего нахождения в Отделе внутренних дел «Коптево» в декабре 1999 г. ввиду того, что прошло много времени с момента происшедшего, и просто подтвердили свои показания, которые они дали следователю в 2000 году. Следователь не допросил мать и брата заявителя, потому что он не мог установить их местожительство. Он также не установил личности всех граждан, которые были задержаны в Отделе внутренних дел «Коптево» вместе с заявителем, потому что журналы регистрации с именами лиц, задержанных в Отделе, были уничтожены.

25. 19 января 2007 г. заместитель прокурора г. Москвы отменил постановление следователя от 29 октября 2006 г., возобновил расследование по жалобе заявителя на факты жестокого с ним обращения сотрудников милиции и постановил, что следователям надлежит «вынести процессуальные решения по поводу того обстоятельства, что [заявителю] были нанесены телесные повреждения, допросить [сотрудников милиции] Ш. и В. и произвести другие следственные действия, необходимые в ходе расследования». Представляется, что производство по уголовному делу в настоящее время продолжается.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

A. Расследование преступлений

26. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (действовал до 1 июля 2002 г.) устанавливал, что поводами к возбуждению уголовного дела являются заявления граждан и непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления (статьи 108 и 125). Надзор за исполнением законов при производстве предварительного следствия осуществляется прокурором (статьи 210 и 211). Прокурор вправе давать указания о производстве следственных действий, передавать дело от одного следователя другому или возвращать уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования. В случае отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела, а равно при наличии обстоя-

тельств, исключающих производство по делу, прокурор или следователь отказывают в возбуждении уголовного дела. Об отказе в возбуждении уголовного дела выносится мотивированное постановление, о чем уведомляется лицо, от которого поступило заявление. Отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован заявителем соответственно надлежащему прокурору или в вышестоящий суд (статьи 113 и 209).

27. 1 июля 2002 г. старый Уголовно-процессуальный кодекс был заменен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Статья 125 нового Уголовно-процессуального кодекса предусматривает судебную проверку законности и обоснованности постановлений следователей и прокуроров, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

B. Регламентация административного задержания

28. Конституция Российской Федерации, принятая по результатам референдума 12 декабря 1993 г., предусматривает в части, относящейся к настоящему делу, следующее:

Статья 22

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Статья 239 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (действовал до 1 июля 2002 г.) предусматривала, что органы внутренних дел могли подвергнуть лицо административному задержанию в целях пресечения административных правонарушений, установления личности, составления протокола об административном правонарушении при невозможности составления его на месте, если составление протокола является обязательным, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дел и исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях. Статья 242 предусматривала, в частности, что административное задержание лица, совершившего административное правонарушение, могло длиться не более трех часов; исключение из этого правила распространялось на определенные категории правонарушителей, включая тех, кто совершил мелкое хулиганство: они могли быть задержаны на необходимый срок — до рассмотрения дела народным судьей или начальником (заместителем начальника) органа внутренних дел. Статья 240 устанавливала требования в отношении составления протокола об административном задержании. В силу требований статьи 240 протокола об административном задержании должен был быть подписан должностным лицом, его составившим, и задержанным. Статья 246 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях закрепляла возможность обжалования административного задержания заинтересованным лицом в вышестоящий орган (должностному лицу) или прокурору.

C. Определение мелкого хулиганства

29. Статья 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях устанавливала, что мелкое хулиганство, то есть нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, влекло административный арест на срок до пятнадцати суток.

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

30. В своем обращении в Европейский Суд заявитель жаловался на то, что 5 декабря 1999 г. сотрудники милиции подвергли его обращению, противоречащему требованиям статьи Конвенции, и что власти не провели эффективное расследование по этому факту, что приравнивается к нарушению ими требований статьи 3 Конвенции. Европейский Суд рассмотрит данный пункт жалобы заявителя с точки зрения негативных и позитивных обязательств государства, вытекающих из положений статьи 3 Конвенции, которая гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Аргументы сторон, содержащиеся в их представлениях Европейскому Суду

31. Государство-ответчик подтвердило, что заявителю были причинены телесные повреждения. Как следствие, 20 марта 2006 г. производство по уголовному делу в отношении сотрудников милиции было возобновлено ввиду необходимости производства ряда следственных действий в целях квалификации содеянного сотрудниками милиции. Государство-ответчик далее отметило, что хотя было установлено, что заявителю были причинены телесные повреждения, нельзя делать вывод, что права заявителя, гарантируемые статьей 3 Конвенции, были нарушены в результате обращения сотрудников милиции с заявителем, поскольку все обстоятельства совершения данного преступления не были расследованы.

32. Государство-ответчик также утверждало, что заявитель не исчерпал доступные ему внутригосударственные средства правовой защиты. Утверждение государства-ответчика опиралось на два основания. Во-первых, заявитель не обратился к вышестоящему прокурору с жалобой на постановление следователя от 14 марта 2000 г. Не исчерпал он и до конца все возможности судебного порядка обжалования, поскольку его жалоба на это постановление, направленная в Коптевский районный суд, была оставлена без рассмотрения. Во-вторых, расследование событий 5 декабря 1999 г. все еще продолжалось, и в национальных органах еще не было принято окончательного процессуального решения. По этой причине жалоба заявителя была преждевременной.

33. Заявитель настаивал на своем изложении событий 5 декабря 1999 г. Он отметил, что результаты медицинского обследования, проведенного 3 декабря 1999 г., и его интервью на телевидении 5 декабря 1999 г. могли служить доказательствами того, что он до своей прискорбной стычки с сотрудниками милиции был в добром здравии. Кроме того, до этого инцидента он не был инвалидом, и при этом он не говорил врачам «скорой помощи», что является инвалидом, несмотря на утверждения государства-ответчика об обратном. Заявитель указал, что хотя государство-ответчик и согласилось с тем, что ему, заявителю, были нанесены телесные повреждения в Отделе внутренних дел «Коптево», государство-ответчик не подтвердило, что обращение, которому он там подвергся, нарушало гарантии статьи 3 Конвенции. Кроме того, государство-ответчик никак не прокомментировало вопрос об эффективности расследования событий, фигурирующих в настоящем деле.

34. Заявитель настаивал на том, что расследование по факту избиения его сотрудниками милиции было неэффек-

тивным. Не были допрошены свидетели, включая его мать и сотрудников телевидения. Судебно-медицинская экспертиза, на выводы которой ссылались следователи в своих постановлениях, была произведена три месяца спустя после инцидента. К тому времени заявитель уже закончил свой курс лечения в Городской клинической больнице имени С.П. Боткина и лечился на дому и в другой больнице. Кроме того, ему не была вручена копия заключения судебно-медицинского эксперта, и ему не предоставили возможности задать эксперту вопросы. Заявитель подчеркнул, что он запомнил номера нагрудных номерных жетонов сотрудников милиции, участвовавших в инциденте. Однако некоторые сотрудники милиции не были допрошены и не принимали участия в процедуре предъявления для опознания, и ему не предоставили возможности участвовать в очной ставке с ними. Заявитель отметил, что, несмотря на тот факт, что сотрудник милиции, г-н До., предложил свою версию происшедшего, следователи эту версию не проверили. По мнению заявителя, тот факт, что производство по уголовному делу в отношении сотрудников милиции было возобновлено в 2006 году и до сих пор продолжалось, служит сам по себе свидетельством неэффективности расследования.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Вопрос о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы в данном ее пункте

(а) Вопрос о неисчерпании заявителем внутригосударственных средств правовой защиты

(i) Вопрос о необжаловании заявителем постановлений следователей от 14 марта и 27 апреля 2000 г.

35. Европейский Суд принимает к сведению тот довод государства-ответчика, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, поскольку он не обжаловал постановление следователя от 14 марта 2000 г. вышестоящему прокурору или в суд. В этой связи Суд вновь подтверждает, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, содержащееся в пункте 1 статьи 35 Конвенции, обязывает заявителей сначала прибегнуть к средствам правовой защиты, которые в национальной правовой системе обычно доступны и достаточны, чтобы обезпечить заявителей заглаживанием вреда, причиненного предполагаемыми нарушениями Конвенции. Пункт 1 статьи 35 Конвенции устанавливает также требование, чтобы жалобы, которые впоследствии предполагается направить в Европейский Суд, сначала должны быть заявлены, хотя бы в существе своем, в надлежащий национальный орган власти и в соответствии с формальными требованиями, предписанными национальным законодательством. Однако такое обращение в национальные органы власти не должно быть связано с использованием средств правовой защиты, которые являются недостаточными или неэффективными (см. постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 г. по делу «Аксой против Турции» [Aksoy v. Turkey], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports of Judgments and Decisions] 1996-VI, с. 2275—2276, § 51—52, а также постановление Европейского Суда от 16 сентября 1996 г. по делу «Акдивар и другие заявители против Турции» [Akdivar and Others v. Turkey], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1996-IV, с. 1210, § 65—67).

36. Жалобы заявителя на факты жестокого обращения с ним со стороны сотрудников милиции были проверены следователем, который в своем постановлении от 14 марта 2000 г. решил прекратить производство по уголовному делу

в отношении сотрудников милиции. Согласно статье 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который действовал в период времени, фигурирующий по настоящему делу, это постановление могло быть обжаловано заявителем соответственно надлежащему прокурору или в суд общей юрисдикции (см. выше, пункт 26 настоящего постановления). Государство-ответчик утверждало, что заявитель не прибегнул к данной возможности исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. В этой связи Европейский Суд вновь обращает внимание на утверждение заявителя (см. выше, пункт 18 настоящего постановления) и дополнительные замечания государства-ответчика относительно того, что 24 марта 2000 г. вышестоящий прокурор отменил постановление следователя от 14 марта 2000 г. и возобновил производство по уголовному делу (см. выше, пункт 19 настоящего постановления).

37. Что же касается довода государства-ответчика о том, что заявитель в то же время не воспользовался альтернативной мерой судебной защиты, Европейский Суд вновь подтверждает, что в тех случаях, когда имеется доступный тому или иному заявителю выбор средств правовой защиты, должны применяться положения статьи 35 Конвенции с тем, чтобы можно было отразить практические реалии положения для обеспечения эффективной защиты права и свободы, гарантируемые Конвенцией (см. решение Европейского Суда от 8 февраля 2000 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 45276/99, поданной Саидом Мохаммедом Хилалом [*Said Mohammed Hilal*] против Соединенного Королевства, как оно было подтверждено в постановлении Европейского Суда от 12 апреля 2007 г. по делу «Иван Василев против Болгарии» [*Ivan Vasilev v. Bulgaria*] (жалоба № 48130/99), § 56, а также в постановлении Европейского Суда от 20 сентября 2005 г. по делу «Трыхлиб против Украины» [*Trykhliv v. Ukraine*] (жалоба № 58312/00), § 38). Европейский Суд принимает к сведению информацию государства-ответчика о том, что Коптевский районный суд отказал в рассмотрении жалобы заявителя именно на том основании, что постановление следователя от 14 марта 2000 г. было уже отменено. При таких обстоятельствах Суд не считает, что решение заявителя использовать возможность обращения с жалобой к вышестоящему прокурору было необоснованным или оно не привело бы к тому, что в распоряжении заявителя было бы средство правовой защиты. Суд также помнит о том факте, что государство-ответчик не утверждало, что жалоба заявителя на постановление Коптевского районного суда от 18 апреля 2000 г. была бы более успешной для заявителя или была бы рассмотрена по каким-либо иным основаниям.

38. Государство-ответчик далее утверждало, что заявитель не обжаловал также в судебном порядке постановление следователя от 27 апреля 2000 г. о повторном прекращении уголовного дела в отношении сотрудников милиции. В этой связи Европейский Суд вновь подтверждает, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты должно применяться с некоторой степенью гибкости и без излишнего формализма. Суд далее признал, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты не является ни безусловным, ни применяемым сугубо автоматически; для целей проверки соблюдения этого правила чрезвычайно важно учитывать конкретные обстоятельства каждого дела. Это означает, в частности, что Суд должен принять во внимание не только наличие формальных средств правовой защиты в правовой системе Высокой Договаривающейся Стороны, выступающей ответчиком по делу в Суде, но также и общий контекст их действия в этой системе, равно как и персональные обстоятельства заявителя (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие заявители

против Турции», с. 1211, § 69, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Аксои против Турции», с. 2276, § 53—54).

39. Европейский Суд принимает к сведению довод государства-ответчика о том, что заявитель мог бы обратиться с жалобой в суд, ходатайствуя об отмене постановления следователя от 27 апреля 2000 г. и возобновлении производства по уголовному делу в отношении сотрудников милиции. Суд замечает, что государство-ответчик ссылается на постановление следователя от 27 апреля 2000 г. как на предварительное условие рассмотрения данной жалобы заявителя в суде. Однако заявитель не был уведомлен о постановлении следователя от 27 апреля 2000 г., никакой копии этого постановления заявителю вручено не было. Сей факт государством-ответчиком не оспаривался.

40. По мнению Европейского Суда, в таком контексте нельзя было ожидать, что заявитель обратится в суд. Поистине, в ситуации, когда заявитель не знал о наличии постановления следователя от 27 апреля 2000 г. и не имел на руках копии этого постановления, он не смог бы отстаивать в суде свою позицию по делу или даже изложить основания своего обращения в суд, чтобы благополучно пройти стадию рассмотрения вопроса о приемлемости своего обращения для его дальнейшего рассмотрения судом. Иными словами, в обстоятельствах настоящего дела у заявителя не было бы реальной возможности результативного обращения в суд (см. постановление Европейского Суда 21 июня 2007 г. по делу «Кантырев против России» [*Kantjrev v. Russia*] (жалоба № 37213/02), § 43). В свете вышеуказанного Суд полагает, что по делу не было установлено с достаточной определенностью, что средство правовой защиты, на которое ссылается государство-ответчик, могло бы быть эффективным.

41. Учитывая свои выводы, содержащиеся в пунктах 36, 37 и 40 настоящего постановления, Европейский Суд отклоняет возражение государства-ответчика в данной его части, касающейся неисчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты.

(ii) *Вопрос о продолжающемся производстве по уголовному делу в отношении сотрудников милиции*

42. Государство-ответчик утверждало — в качестве альтернативного аргумента, — что заявитель не дал Российской Федерации возможности разрешить вопрос, поскольку производство по уголовному делу в отношении сотрудников милиции было возобновлено и продолжается, национальные органы власти проводят расследование и все обстоятельства дела полностью до сих пор не установлены. По этой причине в удовлетворении его жалобы должно быть отказано ввиду неисчерпания им внутригосударственных средств правовой защиты и жалоба является преждевременной.

43. Европейский Суд вновь подтверждает в этом отношении, что, если то или иное лицо заявляет могущую быть доказанной жалобу на то, что это лицо подверглось весьма жестокому обращению со стороны сотрудников полиции, обращение этого лица в надлежащие органы власти с заявлением о преступлении может рассматриваться — по смыслу положений пункта 1 статьи 35 Конвенции — в качестве адекватного средства правовой защиты (см. решение Комиссии по правам человека от 27 июня 1996 г. по делу «Ассенов и другие заявители против Болгарии» [*Assenov and Others v. Bulgaria*] (жалоба № 24760/94), Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [DR] 86-B, с. 71). Действительно, по общему правилу, государству должна быть предоставлена возможность провести расследование по делу и дать ответ на обвинения в жестоком обращении.

В то же время тому или иному заявителю нет необходимости прибегать к использованию средств правовой защиты, которые — хотя теоретически и считаются средствами правовой защиты — на самом деле не дают ему никакого шанса добиться от государства заглаживания вреда, причиненного предполагаемым нарушением прав (см. постановление Европейского Суда от 13 января 1997 г. по делу «Йойлер против Турции» [*Yoyler v. Turkey*] (жалоба № 26973/95), а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие заявители против Турции», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1996-IV, с. 1210, § 68). Если же избранное заявителем средство правовой защиты является адекватным теоретически, но с течением времени доказывает свою неэффективность, то заявитель больше не обязан исчерпать такое средство (см. решение Комиссии по правам человека от 25 ноября 1996 г. по делу «Тэпэ против Турции» [*Tepe v. Turkey*], 27244/95, как оно было подтверждено в постановлении Европейского Суда от 26 января 2006 г. по делу «Михеев против России» [*Mikheyev v. Russia*] (жалоба № 77617/01), § 86).

44. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле государство-ответчик согласилось с тем, что заявителю были нанесены телесные повреждения в Отделе внутренних дел «Коптево». Жалоба заявителя в этом отношении поэтому является «могущей быть доказанной». На властях, таким образом, лежит обязанность провести эффективное расследование обстоятельств, при которых заявителю были нанесены телесные повреждения. Заявитель прибегнул к возможности ходатайствовать о возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции, передав свою жалобу в руки властей, правомочных заняться этим вопросом. Расследование всё еще продолжается. Заявитель и государство-ответчик расходятся во мнениях относительно эффективности данного расследования. Суд поэтому считает, что возражение государства-ответчика в данной его части, касающейся неисчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты, поднимает вопросы, которые связаны с существом пункта жалобы заявителя, касающегося статьи 3 Конвенции. Суд поэтому выносит решение рассмотреть эти вопросы вместе с рассмотрением дела по существу.

(б) Решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы в данном ее пункте

45. Европейский Суд далее отмечает, что жалоба в данном ее пункте не является явно необоснованной по смыслу положений пункта 3 статьи 35 Конвенции и что жалоба в данном ее пункте не является неприемлемой для рассмотрения по существу по каким-либо иным основаниям. Поэтому жалоба в данном ее пункте должна быть объявлена приемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу.

2. По вопросу о существовании жалобы в данном ее пункте

(а) Вопрос об установлении фактов

46. Европейский Суд вновь подтверждает, что утверждения о жестоком обращении с человеком должны опираться на соответствующие доказательства. Оценивая такие доказательства, Суд обычно применял стандарт доказанности факта «вне всякого разумного сомнения» (см. постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» [*Ireland v. the United Kingdom*], серия «А», № 25, с. 64—65, § 161). Однако такая доказанность может проистекать из сосущество-

вания достаточно убедительных, ясных и согласованных между собой умозаключений или из аналогичного свойства неопровержимых презумпций факта. В тех случаях, когда о событиях, фигурирующих по делу, знают — целиком или в большей части — исключительно власти, как это происходит в случаях лиц, находящихся под контролем властей в местах лишения свободы, возникают твердые презумпции факта в отношении телесных повреждений, причиненных заключенному под стражу. Поистине, бремя доказывания может считаться возлагающим на власти обязанность предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» [*Salman v. Turkey*] (жалоба № 21986/93), § 100, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2000-VII). В отсутствие такового объяснения Суд вправе вывести умозаключения, которые могут быть неблагоприятны для государства-ответчика (см. постановление Европейского Суда от 18 июня 2002 г. по делу «Орхан против Турции» [*Orhan v. Turkey*] (жалоба № 25656/94), § 274).

47. Сторонами по делу не оспаривалось, что телесные повреждения заявителю — как было отражено в медицинском заключении и в заключении судебно-медицинского эксперта (см. выше, пункты 12, 17 и 24 настоящего постановления) — были причинены ему в Отделе внутренних дел «Коптево» 5 декабря 1999 г. В частности, группа врачей, которые обследовали заявителя в Городской клинической больнице имени С.П. Боткина сразу же после событий, фигурирующих по делу, зафиксировала травму передней части брюшной стенки, кровоподтеки на лбу и левой руке, травму правой почки, черепно-мозговую травму и сотрясение мозга. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, которое не было представлено в Европейский Суд, но упомянуто в постановлениях следователей от 14 марта и 27 апреля 2000 г. и 29 октября 2006 г., заявитель также получил травму правого плеча, и у него частично разошелся хирургический шов. Это заключение также подтвердило, что телесные повреждения заявителю могли бы быть причинены ударами тупым твердым предметом (см. выше, пункт 24 настоящего постановления).

48. Европейский Суд отмечает, что заявитель предоставил подробное описание актов жестокого обращения, которому он предположительно подвергся, указал место, время и продолжительность совершения этих актов, а также идентифицировал участвовавших в них сотрудников милиции. Если государство-ответчик сочло обвинение заявителя ложными, оно было вольно опровергнуть их, изложив собственную, внушающую доверие версию событий и представив, например, свидетельские показания и иные доказательства в подкрепление своей версии. Тем не менее ни на какой стадии производства по делу в Суде государство-ответчик не оспаривало данные о фактах, представленные заявителем. Суд отмечает, что государство-ответчик не представило никаких объяснений тому, каким образом заявитель получил телесные повреждения в Отделе внутренних дел «Коптево», просто ссылаясь при этом на невозможность делать какие-либо выводы ввиду того, что расследование по жалобам заявителя на жестокое обращение с ним всё еще продолжается. Суд далее отмечает, что для того, чтобы иметь возможность дать оценку существованию жалобы заявителя на жестокое обращение с ним и ввиду характера его обвинений в адрес сотрудников милиции, Суд запросил государство-ответчика представить копию всех материалов уголовного дела, возбужденного против сотрудников милиции. Государство-ответчик, не выдвинув никаких причин, не предоставило Суду искомых материалов, ограничившись представлением копий постановлений следователей и прокуроров. В этих обстоятельствах, памятуя

об обязанности властей дать объяснения происхождению телесных повреждений, причиненных лицам, находящимся под контролем властей в местах лишения свободы, и в отсутствие какого-либо убедительного и внушающего доверие объяснения государства-ответчика в настоящем деле, Суд полагает, что он может вывести умозаключения по поводу таких действий государства-ответчика и считает установленным — на основе стандарта доказывания, требуемого при рассмотрении дела о нарушении Конвенции, — что телесные повреждения, причиненные заявителю, были результатом обращения с ним, на которое он жаловался и за которое государство-ответчик несет ответственность (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» [*Selmouni v. France*] (жалоба № 25803/94), § 88, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-V; постановление Европейского Суда от 20 июля 2004 г. по делу «Мехмет Эмин Йюксель против Турции» [*Mehmet Emin Yüksel v. Turkey*] (жалоба № 40154/98), § 30; постановление Европейского Суда от 26 января 2006 г. по делу «Михеев против России» [*Mikheyev v. Russia*] (жалоба № 77617/01), § 104—105; а также постановление Европейского Суда от 15 мая 2008 г. по делу «Дедовский и другие заявители против России» [*Dedovskiy and Others v. Russia*] (жалоба № 7178/03), § 78—79). Суд поэтому приступит к рассмотрению дела по существу на основе данных, представленных заявителем, и имеющихся материалов дела.

(b) Вопрос о предполагаемой неадекватности расследования по делу

49. Выше, в пункте 44 настоящего постановления, Европейский Суд установил, что вопрос о том, была ли жалоба заявителя в ее пункте, касающемся статьи 3 Конвенции, преждевременной ввиду продолжающегося расследования на национальном уровне, является тесно связанным с вопросом о том, было ли эффективным расследование событий, фигурирующих по делу. Суд таким образом вынес решение рассмотреть эти вопросы вместе с рассмотрением дела по существу и рассмотрит их сейчас. Прежде чем приступить к анализу вопроса о том, каким образом было начато расследование, Суд считает необходимым подтвердить принципы, которые являются руководящими в отношении обязанности властей проводить расследование по фактам жестокого обращения с людьми в результате использования силы представителями государственной власти.

50. Европейский Суд вновь подтверждает: в тех случаях, когда то или иное лицо заявляет могущую быть доказанной жалобу на то, что его подвергли весьма жестокому обращению в нарушение требований статьи 3 Конвенции, эта статья, взятая в увязке с общей обязанностью государств в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в <...> Конвенции», по своему смыслу требует, что власти должны проводить эффективное расследование по фактам жестокого обращения с человеком. Обязанность провести расследование «не является обязанностью добиться результата, но обязанностью принять меру»: не всякое расследование должно обязательно быть успешным или привести к выводу, который совпадает с версией событий в изложении жалобщика; однако оно в принципе должно привести к установлению фактов по делу и, если обвинения подтвердятся, к установлению личностей и наказанию виновных. Таким образом, расследование серьезных обвинений в жестоком обращении с человеком должно быть тщательным. Это означает, что власти долж-

ны всегда предпринимать настойчивые попытки для выяснения того, что случилось, и им не следует полагаться на скоропалительные или плохо аргументированные выводы для прекращения своего расследования или как на основу своего процессуального решения. Власти должны предпринять все рациональные меры, доступные им, для получения доказательств, касающихся инцидента, включая, *inter alia*¹, показания очевидцев, результаты судебных экспертиз и так далее. Любой дефект в расследовании, который может подорвать его способность установить происхождение телесных повреждений или установить виновных лиц, может означать расхождение с этими стандартами (см. среди многих источников по данному вопросу упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Михеев против России», § 107 и следующие за ним пункты постановления, а также постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 г. по делу «Ассенов и другие заявители против Болгарии», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1998-VIII, § 102 и следующие за ним пункты постановления). Наконец, расследование должно быть оперативным. По делам в контексте статей 2 и 3 Конвенции, в которых стоял вопрос об эффективности официального расследования, Суд часто давал оценку тому, реагировали ли власти на жалобы быстро в соответствующее время (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» [*Labita v. Italy*] (жалоба № 26772/95), § 133 и следующие за ним пункты постановления, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-IV). При этом учитывались время начала расследования, проволочки с получением показаний (см. постановление Европейского Суда по делу «Тимурташ против Турции» [*Timurtaş v. Turkey*] (жалоба № 23531/94), § 89, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-VI, а также постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г. по делу «Тэкин против Турции» [*Tekin v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1998-IV, § 67) и продолжительность времени, уделенного первоначальному расследованию (см. постановление Европейского Суда от 18 октября 2001 г. по делу «Инделикато против Италии» [*Indelicato v. Italy*] (жалоба № 31143/96), § 37).

51. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд замечает, что заявитель полностью полагался на органы прокуратуры в деле сбора доказательств, которые были необходимы для подтверждения истинности фактов, изложенных в его жалобе. Прокурор наделен правомочиями допросить сотрудников милиции, вызвать свидетелей для дачи показаний, осмотреть место происшествия, осуществить сбор доказательств в виде результатов судебно-медицинской экспертизы и предпринять все иные важные меры для установления истинности версии случившегося в изложении заявителя. Роль прокурора является решающей не только в уголовном преследовании правонарушителей, но также и в обеспечении заявителя средствами правовой защиты для заглаживания причиненного ему вреда (см. выше, пункт 26 настоящего постановления). Европейский Суд отмечает, что органы прокуратуры, которым стало известно о предполагаемом избении заявителя, начали расследование, которое всё ещё не привело к привлечению к уголовной ответственности виновных в избении заявителя. Расследование было прекращено, возобновлялось несколько раз и в настоящее время продолжается. По мнению Суда, вопрос, следовательно, стоит не столько о том, производилось ли какое-либо расследование — поскольку стороны по делу не оспаривают, что оно проводилось, — сколько о том, прово-

¹ *Inter alia* (лат.) — в числе прочего, в частности, в том числе (примечание редакции).

дилось ли оно с тщанием, были ли власти полны решимости установить личности виновных и привлечь их к уголовной ответственности и соответственно было ли расследование «эффективным».

52. Европейский Суд поэтому сначала оценит быстроту прокурорского расследования как мерилу решимости властей привлечь к уголовной ответственности виновных в жестоком обращении с заявителем (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции», § 78 и 79). В настоящем деле мать заявителя довела до сведения властей обвинения заявителя в жестоком обращении с ним со стороны сотрудников милиции тем, что обратилась с жалобой к прокурору Коптевской межрайонной прокуратуры (см. выше, пункт 15 настоящего постановления). Представляется, что Коптевская межрайонная прокуратура быстро приступила к расследованию после того, как была информирована о предполагаемых избиениях заявителя. В течение короткого периода времени следствие установило личности сотрудников милиции, которые участвовали в этих избиениях, и личности свидетелей событий 5 декабря 1999 г., и они были допрошены. Однако Суд помнит о том факте, что в этот период времени, сразу после событий, фигурирующих по делу, не было предпринято никаких попыток провести судебно-медицинскую экспертизу в отношении заявителя. Суд вновь подтверждает в этой связи, что надлежащие медицинские обследования являются одним из важнейших способов выявления фактов жестокого обращения. Судебно-медицинский эксперт должен быть формально и фактически независим, имея специальное образование и будучи наделенным широкими полномочиями в своей сфере (см. постановление Европейского Суда по делу «Аккоч против Турции» [*Akkoç v. Turkey*] (жалобы № 22947/93 и 22948/93), § 55 и § 118, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-X). В настоящем деле Суд отмечает, что проволочка с назначением судебно-медицинской экспертизы в отношении заявителя привела, среди прочего, к серьезным расхождениям выводов врачей, которые обследовали заявителя в Городской клинической больнице имени С.П. Боткина, с заключением судебно-медицинского эксперта.

53. Кроме того, хотя и следует из постановлений следователей, представленных в Европейский Суд государством-ответчиком, что ряд шагов был предпринят властями в первоначальной стадии расследования, расследование тем не менее стало затылком. Суд находит поразительным тот факт, что за период времени почти в шесть лет — с апреля 2000 г. и до марта 2006 г. — не было абсолютно никаких дальнейших подвижек в расследовании и уголовное дело оставалось прекращенным, пока настоящее дело не было коммуницировано государству-ответчику (см. выше, пункты 3 и 23 настоящего постановления). С того момента, когда в марте 2006 г. производство по делу было возобновлено, расследование продолжалось, а сотрудники милиции до сих пор не отданы под суд. Государство-ответчик не предоставило какого-либо объяснения проволочке с производством по уголовному делу. При таких обстоятельствах Суд обязан сделать заключение, что власти не выполнили требование о быстроте расследования (см. постановление Европейского Суда от 31 мая 2005 г. по делу «Кишмир против Турции» [*Kişmir v. Turkey*] (жалоба № 27306/95), § 117, а также постановление Европейского Суда по делу «Ангелова и Илиев против Болгарии» [*Angelova and Iliev v. Bulgaria*] (жалоба № 55523/00), § 103, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2007 г.).

54. Что касается вопроса о тщательности расследования, то Европейский Суд отмечает ряд значительных упущений в расследовании, которые могут отрицательно сказаться на его надежности и результативности. Во-первых, ввиду

существования различных версий случившегося во время инцидента никакой оценки не было дано в отношении количества и характера причиненных заявителю телесных повреждений. При вынесении своих постановлений следователи ограничились пересказом заключения, сделанного врачами больницы, в котором были перечислены причиненные заявителю телесные повреждения, и выборочным повторением заключения судебно-медицинского эксперта. Суд находит крайне странным, что следователь впервые упомянул возможные причины телесных повреждений, нанесенных заявителю, в своем постановлении от 29 октября 2006 г., хотя это упоминание основывалось на заключении судебно-медицинского эксперта, представленного в 2000 году (см. выше, пункт 24 настоящего постановления).

55. Во-вторых, Европейский Суд отмечает выборочный и в некоторой степени противоречивый подход к оценке доказательств следственными органами. Из постановлений, представленных Суду, явно следует, что следователи основывали свои выводы главным образом на показаниях сотрудников милиции, участвовавших в инциденте. И хотя выдержки из показаний заявителя и его брата были включены в текст постановлений о прекращении производства по уголовному делу, следователи не считали эти показания заслуживающими доверия явно потому, что они отражали личные мнения и являлись частью обвинительной тактики заявителя и его брата. Однако же следователи восприняли показания сотрудников милиции как заслуживающие доверия вопреки тому факту, что их пояснения могли составлять часть защитительной тактики и были нацелены на подрыв доверия к заявителю. По мнению Суда, при проведении прокурорского расследования применялись разные стандарты в оценке показаний, поскольку показания заявителя и его брата считались субъективными, но таковыми не считались показания сотрудников милиции. Достоверность показаний последних также надлежало проверить, так как по результатам прокурорского расследования надо было решить вопрос о привлечении сотрудников милиции к дисциплинарной или уголовной ответственности (см. постановление Европейского Суда от 23 февраля 2006 г. по делу «Огнянова и Чобан против Болгарии» [*Ognyanova and Choban v. Bulgaria*] (жалоба № 46317/99), § 99).

56. Европейский Суд далее замечает, что в текст постановлений следователей были включены выдержки из показаний нескольких лиц, содержащихся под стражей вместе с заявителем в Отделе внутренних дел «Коптево». Эти лица не были очевидцами избиений заявителя сотрудниками милиции и просто свидетельствовали о предположительно «провокационном» поведении заявителя (см. выше, пункты 17 и 20 настоящего постановления). Суд приходит к выводу, что в свете показаний заявителя о том, что он был избит сначала в вестибюле здания Отдела внутренних дел «Коптево», а затем в дежурной части Отдела, следователи не должны были бы ограничивать себя допросами лиц, которые содержались вместе с заявителем в камере для административно задержанных и которые поэтому не могли лицезреть предполагаемые акты жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции. В то время как следственным органам и не сообщили имена лиц, которые могли бы видеть заявителя в Отделе внутренних дел «Коптево» или могли бы быть очевидцами предполагаемых избиений его сотрудниками милиции, следствие должно было по собственной инициативе предпринять шаги для установления личностей возможных очевидцев случившегося. В этой связи Суд также замечает, что ввиду волокиты с расследованием власти не смогли больше установить других лиц, которые были в Отделе внутренних дел «Коптево» 5 декабря 1999 г. и которые могли быть очевидцами инцидента, а журналы регистрации Отдела с именами задер-

жанных лиц были уже уничтожены (см. выше, пункт 24 настоящего постановления). Кроме того, представляется, что следователи не предприняли сколько-нибудь значимых шагов для производства обыска в помещении, где заявитель был предположительно подвергнут жестокому обращению. Суд поэтому находит, что непринятие следственными органами мер к установлению доказательств, подтверждающих версию событий в изложении заявителя и невзыскательное отношение следственных органов к сотрудникам милиции должны рассматриваться как особо серьезный недостаток в расследовании (см. постановление Европейского Суда от 25 сентября 1997 г. по делу «Айдын против Турции» [*Aydn v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1997-VI, § 106).

57. Принимая во внимание указанные выше недостатки в расследовании, допущенные российскими властями, Европейский Суд приходит к выводу, что расследование по обвинениям заявителя о жестоком с ним обращении со стороны сотрудников милиции не было тщательным, оперативным или эффективным. Суд признаёт, что расследование всё ещё продолжается, но при этом — учитывая его длительность на сегодняшний день и весьма серьезные недостатки, выявленные выше, — Суд не считает, что заявителю надлежало ждать окончания расследования прежде, чем обратиться с жалобой в Европейский (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ангелова и Илиев против Болгарии», § 103, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Михеев против России», § 121). Кроме того, Суд не теряет из виду и тот факт, что заявитель подал свою жалобу в Суд 24 июля 2000 г., то есть после того, как власти прекратили расследование по его жалобам на жестокое обращение с ним со стороны сотрудников милиции. Европейский Суд помнит о том обстоятельстве, что расследование было возобновлено только в марте 2006 г., после того, как настоящее дело было коммуницировано государству-ответчику. Соответственно Суд отклоняет возражение государства-ответчика во второй его части, касающейся неисчерпания заявителем внутригосударственных средств правовой защиты и постановляет, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

(с) Вопрос о предполагаемом жестоком обращении с заявителем, допущенном сотрудниками милиции

(i) Общие принципы

58. Как Европейский Суд указывал неоднократно, статья 3 Конвенции воплощает в себе одну из наиболее фундаментальных ценностей демократических обществ. Даже в наиболее трудных обстоятельствах, таких, как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция в абсолютных выражениях воспрещает подвергать людей пыткам и бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию вне зависимости от действий жертвы нарушения Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (жалоба № 26772/95), § 119, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2000-IV, а также постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 г. по делу «Чахал против Соединенного Королевства» [*Chahal v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1996-V, с. 1855, § 79). В статье 3 Конвенции не предусмотрено никаких исключений из содержащихся в ней требований, и не допускаются никакие отступления от этих требований в силу пункта 2 статьи 15 Конвенции

даже в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (жалоба № 25803/94), § 95, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 1999-V, а также постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 г. по делу «Ассенов и другие заявители против Болгарии», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1998-VIII, с. 3288, § 93).

59. Европейский Суд последовательно подчеркивал, что страдания и унижение человека должны в любом случае выходить за пределы неизбежного элемента страданий и унижения человека, связанного с конкретной формой правомерного обращения с человеком или его наказания. Меры, лишаящие лицо его свободы, могут часто включать такой элемент. В соответствии со статьей 3 Конвенции государство должно гарантировать, что то или иное лицо содержится под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к его человеческому достоинству, что вид и метод исполнения такой меры не причиняют ему душевные страдания и не заставляют его терпеть лишения, выходящие за пределы неизбежного страдания, неотъемлемо связанного с лишением свободы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» [*Kudła v. Poland*] (жалоба № 30210/96), § 92—94, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2000-XI).

60. В контексте вопроса о положении лиц, заключенных под стражу, Европейский Суд подчеркивал, что такие лица находятся в легкоуязвимом положении и что на властях лежит обязанность ограждать их физическое благополучие (см. постановление Европейского Суда по делу «Тарариева против России» [*Tarariyeva v. Russia*] (жалоба № 4353/03), § 73, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006 — ... (приводится в выдержках); постановление Европейского Суда от 4 октября 2005 г. по делу «Сарбан против Молдавии» [*Sarban v. Moldova*] (жалоба № 3456/05), § 77; а также постановление Европейского Суда по делу «Мусель против Франции» [*Mouisel v. France*] (жалоба № 67263/01), § 40, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2002-IX). Что касается лица, лишённого властями свободы, то любое обращение государственных служащих к физической силе против такого лица, которое не было строго необходимо ввиду собственного поведения лица, унижает человеческое достоинство и является в принципе нарушением права, предусмотренного в статье 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 7 декабря 2006 г. по делу «Шейдаев против России» [*Sheydayev v. Russia*] (жалоба № 65859/01), § 59; постановление Европейского Суда от 4 декабря 1995 г. по делу «Рибич против Австрии» [*Ribitsch v. Austria*], серия «А», № 336, § 38; а также постановление Европейского Суда от 30 сентября 2004 г. по делу «Крастанов против Болгарии» [*Krastanov v. Bulgaria*] (жалоба № 50222/99), § 53).

61. Что касается тяжести актов жестокого обращения, то Европейский Суд вновь подтверждает: для того чтобы определить, можно ли конкретную форму жестокого обращения квалифицировать как пытку, Суд должен учесть различие — содержащееся в статье 3 Конвенции — между этим понятием и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения. Представляется, что намерением было, чтобы Конвенция с помощью такого различия проставила бы особое клеймо позора на умышленном бесчеловечном обращении с людьми, вызывающим у человека весьма серьезное и тяжкое страдание (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (жалоба № 25803/94), § 96, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 1999-V). Суд

ранее рассматривал дела, по которым он устанавливал, что властями государства-ответчика допускалось обращение с заявителем, которое можно описать только лишь как пытку (см. постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 г. по делу «Аксой против Турции», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1996-VI, с. 2279, § 64; постановление Европейского Суда от 25 сентября 1997 г. по делу «Айдын против Турции», Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1997-VI, с. 1891—1892, § 83—84 и 86; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (жалоба № 25803/94), § 105, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-V; постановление Европейского Суда по делу «Дикме против Турции» [Dikme v. Turkey] (жалоба № 20869/92), § 94—96, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-VIII; и, что касается России, постановление Европейского Суда по делу «Менешева против России» [Menesheva v. Russia] (жалоба № 59261/00), § 60—62, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006; а также постановление Европейского Суда от 26 января 2006 г. по делу «Михеев против России» (жалоба № 77617/01), § 135).

(ii) Оценка тяжести жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции

62. Европейский Суд вновь подтверждает, что он нашел установленным тот факт, что заявитель был избит сотрудниками милиции и что в результате этих избиений ему были причинены серьезные телесные повреждения (см. выше, пункты 47 и 48 настоящего постановления). Суд не усматривает никакого обстоятельства, которое могло бы вызвать необходимость в применении насилия по отношению к заявителю. По делу отнюдь не утверждалось, что заявитель сопротивлялся задержанию, пытался скрыться от сотрудников милиции или отказался выполнить законные распоряжения сотрудников милиции. Кроме того, нет никаких признаков того, что в какой-либо момент во время первоначального задержания или последующего задержания в Отделе внутренних дел «Коптево» он угрожал сотрудникам милиции, например, открытой демонстрацией оружия или нападая на них (см. в качестве противоположной ситуации постановление Европейского Суда от 20 ноября 2007 г. по делу «Нэджет Булут против Турции» [Neddet Bulut v. Turkey] (жалоба № 77092/01), § 25, а также постановление Европейского Суда от 20 июня 2002 г. по делу «Берлинский против Польши» [Berliński v. Poland] (жалобы № 27715/95 и 30209/96), § 62). Суд помнит о выводах следователей о том, что заявитель вел себя предположительно провокационно в Отделе внутренних дел «Коптево», выражался нецензурно в адрес сотрудников милиции. Однако Суд не может согласиться с тем, что при таких обстоятельствах сотрудникам милиции необходимо было прибегать к использованию физической силы. Представляется, что использование силы было умышленным, по своей природе — сугубо актом возмездия и имело целью унижить заявителя и принудить его к повиновению. Кроме того, обращение со стороны сотрудников милиции, которому подвергся заявитель, должно было причинить ему психические и физические страдания. Более того, в результате такого обращения его здоровью был причинен долговременный вред (см. выше, пункты 13 и 14 настоящего постановления). В этих обстоятельствах Суд приходит к выводу, что заявитель был подвергнут обращению, которое можно охарактеризовать как пытку.

63. Поэтому по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции,

выразившееся в том, что власти подвергли заявителя пытке в нарушение требований этой статьи.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

64. Со ссылками на статью 5 Конвенции заявитель утверждал, что его задержание в Отделе внутренних дел «Коптево» 5 декабря 1999 г. было незаконным. Имеющие отношение к делу части пункта 1 статьи 5 Конвенции гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

<...>

b. законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

c. законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения <...>».

А. Аргументы сторон, содержащиеся в их представлениях Европейскому Суду

65. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что заявитель не обжаловал в судебном порядке его предположительно незаконное первоначальное задержание и задержание в Отделе внутренних дел «Коптево». По этой причине, он не исчерпал внутрисударственные средства правовой защиты. Если, однако, Европейскому Суду надлежало бы отклонить данное возражение государства-ответчика, то жалоба заявителя в данном ее пункте была бы неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу, будучи явно необоснованной. Государство-ответчик выстроило свои доводы по двум основным линиям. Во-первых, государство-ответчик в своих представлениях Суду указало, что сотрудники милиции правомерно задержали заявителя, потому что он отказался удостоверить свою личность. Сотрудники милиции действовали в ответ на телефонограмму № 12316, содержащую информацию о разыскиваемых преступниках, которые были похожи на заявителя и его брата. Со ссылками на статью 11 Закона Российской Федерации «О милиции» государство-ответчик подчеркнуло, что сотрудникам милиции предоставлено право проверять документы, удостоверяющие личность, у граждан, если имеются достаточные основания подозревать их в совершении преступления или административного правонарушения. Вторая линия аргументации заключалась в том, как указало государство-ответчик, что заявитель был задержан, потому что, употребляя нецензурную брань в общественных местах, он совершил мелкое хулиганство, то есть административное правонарушение. По этой причине, в силу требований статьи 242 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, он мог быть задержан на необходимый срок — до рассмотрения дела народным судьей или начальником (заместителем начальника) органа внутренних дел. Государство-ответчик заключило, что права заявителя, как они гарантированы статьей 5 Конвенции, поэтому нарушены не были.

66. Заявитель в ответ указал, что доводы государства-ответчика неубедительны. Что касается его предполагаемой

схожести с некими преступниками, объявленными в розыск, то ему не говорили ни разу, в чем состояли черты схожести между ним и разыскиваемыми преступниками. Он далее подчеркнул, что его задержание было незаконным, так как в нарушение требований закона не было составлено никакого протокола задержания. Что же касается возражения государства-ответчика по вопросу о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, заявитель отметил, что не было возбуждено никакого административного дела и ему не вручали никакого процессуального решения, которое можно было бы обжаловать в судебном порядке. Кроме того, он обращался с жалобой к прокурору на незаконные действия сотрудников милиции, включая его незаконное задержание. Однако его жалобы не принесли никаких результатов.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Вопрос о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы в данном ее пункте

67. Государство-ответчик заявило возражение по вопросу о неисчерпании заявителем внутригосударственных средств правовой защиты. Европейский Суд вновь подтверждает, что решающим вопросом при оценке эффективности того или иного средства правовой защиты является вопрос, мог ли заявитель обратиться к властям со своей жалобой, чтобы добиться непосредственного и своевременного заглаживания причиненного ему вреда, а не просто косвенной защиты прав, гарантированных в статье 5 Конвенции. Средство правовой защиты по своей природе может быть либо предупредительным, либо компенсаторным (см. среди других источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 19 октября 2006 г. по делу «Коваль против Украины» [*Koval v. Ukraine*] (жалоба № 65550/01), § 94). Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что государство-ответчик выдвинуло мысль, что заявителю надо было бы обратиться в суд с жалобой на незаконное задержание. Государство-ответчик не сослалось при этом ни на какую правовую норму, предусматривающую возможность обращения с такой жалобой в суд. Равным образом государство-ответчик не привело никакого примера из внутригосударственной практики, свидетельствующего бы о том, что у заявителя была возможность обратиться с такой жалобой в суд. В этой связи Суд считает необходимым отметить, что статья 246 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях закрепляла иную возможность обжалования административного задержания. Данная статья требует, чтобы заявитель обратился с такой жалобой к прокурору или к вышестоящему должностному лицу органов внутренних дел (см. выше, пункт 28 настоящего постановления). Суд вновь подтверждает, что заявитель поднял вопрос о его незаконном задержании в обращении в Коптевскую межрайонную прокуратуру (см. выше, пункт 15 настоящего постановления), тем самым прибегнув к возможности обжалования, предусмотренной национальным законодательством.

68. Кроме того, Европейский Суд помнит о том факте, который не оспаривался государством-ответчиком, что заявителю не была вручена копия протокола задержания. При таких обстоятельствах весьма сомнительно, что заявитель мог бы результативно обратиться с жалобой в суд. Европейский Суд поэтому отклоняет возражение государства-ответчика по вопросу о неисчерпании заявителем внутригосударственных средств правовой защиты.

69. Европейский Суд далее отмечает, что жалоба в данном ее пункте не является явно необоснованной по смыслу положений пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является

неприемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу по каким-либо иным основаниям. Жалоба в данном ее пункте должна быть поэтому объявлена приемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу.

2. По вопросу о существовании жалобы в данном ее пункте

70. Европейский Суд вновь подтверждает, что выражения «законное» содержание под стражей и «в порядке, установленном законом», содержащиеся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, по сути отсылают к нормам национального законодательства и указывают на обязанность государств соблюдать материальные и процессуальные нормы своего законодательства. Эти выражения к тому же требуют, чтобы любой акт лишения свободы соответствовал бы целям статьи 5 Конвенции, а именно — защите гражданина от произвола властей. Суд, кроме того, должен установить, соответствует ли само национальное законодательство требованиям Конвенции, включая и общие принципы, выраженные в ней или ею подразумеваемые (см. среди других источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 10 октября 2000 г. по делу «Грауслис против Литвы» [*Grauslys v. Lithuania*] (жалоба № 36743/97), § 39). Кроме того, перечень исключений из нормы о праве человека на свободу, закрепленный в пункте 1 статьи 5 Конвенции является исчерпывающим, и лишь узкое толкование этих исключений отвечает целям данной статьи Конвенции, а именно, что никто не может быть произвольно лишен своей свободы (см., *inter alia*, постановление Европейского Суда от 1 июля 1997 г. по делу «Джулия Манцони против Италии» [*Giulia Manzoni v. Italy*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1997-IV, с. 1191, § 25).

71. По делу не оспаривалось, что заявитель был «лишен своей свободы» по смыслу положений пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Витольд Литва против Польши» [*Witold Litwa v. Poland*] (жалоба № 26629/95), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2000-III). Равным образом не оспаривалось и то, что не было составлено никакого протокола задержания заявителя 5 декабря 1999 г. Государство-ответчик не утверждало, что протокол задержания не был необходимым в контексте дела об административном правонарушении. Напротив, государство-ответчик указало в своих представлениях в Европейский Суд, что задержание заявителя было произведено для проверки личности и потому, что он совершил мелкое административное правонарушение. Оба основания для задержания предусмотрены статьей 239 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, при этом от правоохранительного органа требуется составить протокол задержания в соответствии с положениями статьи 240 этого Кодекса.

72. В этой связи Европейский Суд замечает, что отсутствие какого-либо протокола задержания должно само по себе рассматриваться как наиболее серьезное упущение со стороны органов внутренних дел, поскольку Суд постоянно придерживался той точки зрения, что незадокументированное задержание гражданина является полным отрицанием фундаментально важных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и свидетельствует о наиболее тяжком нарушении требований этой статьи. Отсутствие протокола с указанием таких сведений, как дата, время и место задержания, полное имя задержанного, основания для задержания и полное имя лица, производившего задержание, должно рассматриваться как несомнимое с требованием законности и самой целью статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 25 октября 2005 г. по делу «Федотов против России» [*Fedotov v. Russia*] (жало-

ба № 5140/02), § 78; постановление Европейского Суда по делу «Менешева против России» (жалоба № 59261/00), § 87, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006; постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 г. по делу «Курт против Турции» [Kurt v. Turkey], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1998-III, с. 1185—1186, § 125).

73. Отсутствие надлежащего протокола задержания заявителя является поэтому обстоятельством, достаточным для того, чтобы Европейский Суд нашел, что содержание заявителя под стражей в течение нескольких часов 5 декабря 1999 г. было осуществлено в нарушение норм национального законодательства и требований, вытекающих из статьи 5 Конвенции относительно надлежащего документирования акта лишения свободы (см. постановление Европейского Суда по делу «Ангелова и Илиев против Болгарии» (жалоба № 38361/97), § 157, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-IV, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Менешева против России», § 87—89). Поэтому по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции.

III. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

74. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вопрос о выплате компенсации за причиненный заявителю материальный ущерб и моральный вред

75. Заявитель требовал выплатить ему сумму в размере 78 600 рублей в качестве компенсации причиненного ему материального ущерба, не предоставив Европейскому Суду никаких дополнительных деталей. Заявитель также требовал выплатить ему сумму в размере 200 000 евро (евро) в качестве компенсации причиненного ему морального вреда.

76. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что требования заявителя о выплате компенсации причиненного ему материального ущерба не были подкреплены какими-либо убедительными доказательствами и что его требования о выплате компенсации причиненного ему морального вреда были необоснованными.

77. Европейский Суд отмечает, что заявитель не представил никаких доказательств в обоснование своих требований о выплате компенсации причиненного ему материального ущерба. Суд поэтому отклоняет данные требования.

78. Что же касается требований заявителя о выплате компенсации причиненного ему морального вреда, то Европейский Суд вновь подтверждает, во-первых, что от заявителя нельзя требовать представления каких-либо доказательств причиненного ему морального вреда (см. постановление Европейского Суда от 1 июня 2006 г. по делу «Гридин против России» [Gridin v. Russia] (жалоба № 4171/04), § 20). Суд далее замечает, что он в настоящем деле установил сочетание попытки заявителя с особо тяжким нарушением его права на свободу. Суд согласен, что заявитель претерпел унижение и душевное страдание в связи с его незаконным задержанием и жестоким обра-

щением с ним со стороны сотрудников милиции. Кроме того, заявитель не извлек никакой пользы от адекватного и эффективного расследования по его жалобам на жестокое обращение. В этих обстоятельствах Суд считает, что страдания заявителя и испытанное им чувство беспомощности не могут быть компенсированы простой констатацией факта нарушения его прав. Тем не менее конкретно искомая им сумма компенсации причиненного ему морального вреда представляется чрезмерной. Производя свою оценку на основе принципа справедливости и принимая во внимание в особенности длящиеся последствия жестокого обращения для здоровья заявителя, Суд присуждает выплатить заявителю сумму в размере 30 000 евро в качестве компенсации причиненного ему морального вреда, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы.

B. Вопрос о возмещении понесенных заявителем судебных издержек и расходов

79. Заявитель не просил о возмещении судебных издержек и расходов, связанных с производством по делу в национальных судах и в Европейском Суде, и это не тот вопрос, который требуется рассмотреть Судом по собственной инициативе (см. постановление Европейского Суда от 5 декабря 2000 г. по делу «Мотьер против Франции» [Motière v. France] (жалоба № 39615/98), § 26).

C. Процентная ставка при просрочке платежей

80. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *решил* объединить рассмотрение второй части предварительного возражения государства-ответчика по вопросу об исчерпании заявителем внутригосударственных средств правовой защиты, касающейся пункта жалобы заявителя о жестоком с ним обращении 5 декабря 1999 г., с рассмотрением дела по существу и отклонил это предварительное возражение в данной части;

2. *объявил* жалобу приемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу;

3. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом и процессуальном аспектах;

4. *постановил*, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 5 § 1 Конвенции;

5. *постановил*

(а) что государство-ответчик должно — в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции — в течение трех месяцев с момента вступления данного постановления в силу выплатить заявителю сумму в размере 30 000 (тридцати тысяч) евро в качестве компенсации причиненного ему морального вреда, подлежащую переводу в российские рубли по курсу обмена валюты на день выплаты, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы;

(b) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента;

6. оставил без удовлетворения остальные требования заявителя о выплате ему справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 2 октября 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда по правам человека.

Клаудиа Вестердик,
Секретарь
Пятой Секции
Европейского Суда

Пер Лоренсен,
Председатель Палаты
Пятой Секции
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда по правам человека к настоящему постановлению прилагается отдельное совпадающее мнение¹ судьи Калайджиевой.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КАЛАЙДЖИЕВОЙ

Я голосовала с большинством судей за то, чтобы признать, что властями государства-ответчика по настоящему делу были допущены нарушения требований статей 3 и 5 Конвенции в связи с непризнанным властями задержанием заявителя. Дополнительное исследование жалобы заявителя в отношении цели, законности, продолжительности и необходимости задержания заявителя могло бы дать Европейскому Суду другое — и, возможно, более важное — основание для вывода о наличии нарушения права заявителя на личную свободу. Суд тем самым оставил открытым вопрос о соответствии задержания заявителя каким-либо исключениям, содержащимся в ограничительном перечне пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда по правам человека каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением [concurring opinion] называют мнение, которое совпадает с мнением большинства по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (*примечание редакции*).